

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

И Н С Т И Т У Т В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

С О В Е Т С К О Е
В О С Т О К О В Е Д Е Н И Е

V

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1948 ЛЕНИНГРАД

А. Ю. ЯКУБОВСКИЙ

ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ ИВАНОВ КАК ИСТОРИК СРЕДНЕЙ АЗИИ

В суровую, самую тяжелую в истории Ленинграда, зиму, в ночь со 2 на 3 февраля 1942 г., в расцвете творческих сил, не достигнув еще 50-летнего возраста, скончался П. П. Иванов — один из лучших советских историков-востоковедов.

Родился Павел Петрович в феврале 1893 г., в сибирской деревне недалеко от Ишима. До 8-летнего возраста рос в деревне. По словам вдовы покойного историка, О. К. Ивановой, «отец Павла Петровича военную службу отбывал в Ташкенте и, вернувшись на родину, стал тосковать по «теплым краям». Скоро родители Павла Петровича с четырьмя детьми переехали на заработки на строящуюся тогда Оренбург-Ташкентскую железную дорогу. Отец устроился рабочим, сына определил сначала на земляные, а потом ремонтные работы, когда мальчику было 11—12 лет. Учение началось поздно и часто прерывалось. Между родителями шла постоянная борьба из-за сына. Мать отводила в школу, отец посылал на заработки. Павел Петрович закончил городское училище 18 лет и был определен матерью в ташкентскую учительскую семинарию».

Семинария представляла собой не совсем обычное учебное заведение. В условиях тогдашнего Туркестана это была педагогическая средняя школа, дававшая, сверх обычной программы учительских семинарий, еще и знание двух восточных языков — узбекского и таджикского. В 1914 г. Павел Петрович окончил учительскую семинарию и в течение почти трех лет, с 1914 по 1916 г., учительствовал в Чимкенте в русско-киргизской школе. Во время первой мировой войны П. П. Иванов в 1916 г. был мобилизован и служил в армии солдатом, а затем учился в военной школе в Ташкенте. В 1917 г. Павел Петрович был отправлен на фронт. Февральская революция застала его на военных курсах в Калуге. Вскоре здесь был организован революционный комитет, в состав которого входили наиболее молодые и революционно настроенные офицеры. В этом комитете Павел Петрович работал в качестве секретаря.

В 1918 г. Павел Петрович был демобилизован и вернулся к педагогической работе в качестве учителя русско-киргизской школы. В 1919 г. мы видим его студентом Туркестанского восточного института, который он и окончил в 1924 г. по Иранскому отделению. В Институте он считался одним из способных и трудолюбивых студентов. Одновременно с обучением в восточном вузе, «Павел Петрович нес обязанности заведующего гарнизонными школами, а потом получил назначение заведующим Оперативным отделом Штаба турквойск в Ташкенте».

По окончании гражданской войны П. П. Иванов покинул военную службу, так как его более всего привлекала научная работа. В 20-х годах в Ташкенте широко развернулась деятельность Средазкомстариса, учреждения, которое было призвано не только охранять, но и изучать богатейшие памятники культуры и искусства Средней Азии.

Первая работа П. П. Иванова и была написана по археологии Средней Азии. В 1923 г. в сборнике в честь проф. А. Э. Шмидта (ал-Искандерийя) появилась его статья «Сайрам» (историко-географический очерк).¹ Рядом с ней в том же сборнике была помещена небольшая заметка «Предание о калмыцком нашествии на Сайрам».² По крайней мере, на целое десятилетие научные интересы П. П. Иванова сосредоточились на историко-археологических темах. Городище Сайрам, являющееся остатками известного в раннее средневековье города Исфиджаба, еще раз привлекло его внимание.

¹ Ал-Искандерийя, Сб. Вост. инст. в честь проф. А. Э. Шмидта, Ташкент, 1923, стр. 46—56.

² Ук. соч., стр., 57—58.

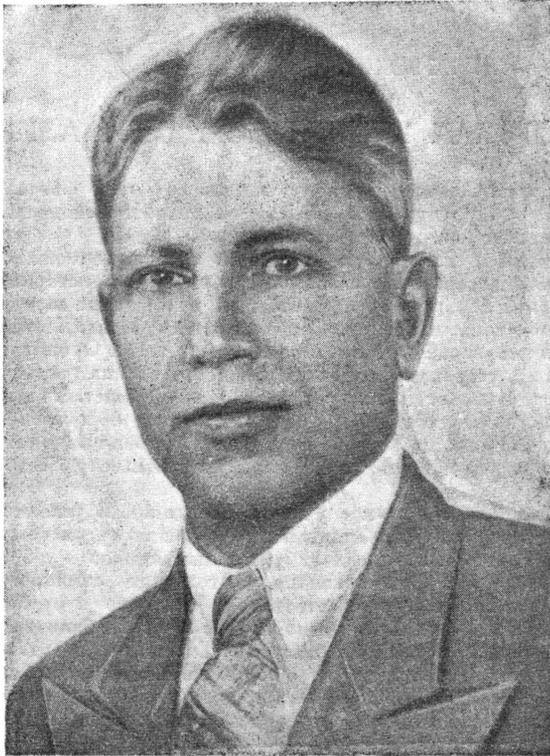
В 1927 г. П. И. Иванов поместил в сборнике в честь В. В. Бартольда (Икд-ал-джуман) статью „К вопросу об исторической топографии Старого Сайрама“.¹

Работа эта как бы продолжала отмеченную выше статью о Сайраме. Она явилась плодом трехкратного посещения городища в течение 1924—1926 гг. На этот раз археологические наблюдения явились главным источником исследования.

Хотя обе работы П. П. Иванова не исчерпали вопроса о прошлом Исфиджаба-Сайрама, но продвинули его изучение значительно вперед.

В 1930 г. П. П. Ивановым был сделан интересный доклад на заседании разряда Средней Азии ГАИМК под председательством В. В. Бартольда на тему „Памятники истории материальной культуры в бассейне оз. Иссык-куль“.² В 1934 г. в сборнике Академии Наук в честь С. Ф. Ольденбурга П. П. Иванов поместил статью „К вопросу о древностях в верховьях р. Таласа“.

В работе этой исследователь сосредоточил внимание главным образом на двух объектах: на огромном городище Ак-тепе, находящемся в районе с. Дмитриевского, и на так называемом гумбазе Манаса, стоящем недалеко от того же села. Несколько ранее выхода в свет последней работы П. П. Иванов выпустил в 1932 г. небольшую книгу, посвященную истории горного дела в Средней Азии, под заглавием „К истории развития горного промысла в Средней Азии“.³ Хотя работа эта и написана на основе одних только письменных источников, однако близка по тематике своей, точнее по объекту своему, интересам археологического исследования Средней Азии. Указанными работами, собственно говоря, и исчерпываются исследования П. П. Иванова по вопросам археологии Средней Азии. Вопросы эти не захватили П. П. Иванова, и не в них сказалась его подлинная любовь к исторической науке. Повидимому, результаты этой работы мало удовлетворяли П. П. Иванова, отчего он и повернул в сторону вопросов чисто исторических, работа над которыми требовала привлечения, главным образом, письменных источников. Стоит только бегло просмотреть список

Павел Петрович Иванов.

работ П. П. Иванова, чтобы стало ясно, какой круг вопросов привлек его внимание во второй период его научной деятельности. Он целиком сосредоточился на вопросах гражданской истории Средней Азии в XVI—XIX вв. На этот раз выбор тематики оказался удачным, исследователь нашел работу целиком по душе, да к ней он был и лучше подготовлен, чем к полевому археологическому исследованию. Знание языков — персидского и тюркских — открывало перед ним более или менее свободное пользование первоисточниками по истории Средней Азии после XVI в. Удачен был выбор тематики и в том отношении, что уровень наших знаний по истории Средней Азии настоятельно требовал исследований в этой области. Хорошо известно, что изучение прошлого Средней Азии развивалось далеко неравномерно. В то время как по вопросам древней и ранне-средневековой истории Средней Азии накопилась огромная литература, по истории Средней Азии XVI—XIX вв. сделано было очень мало. В. В. Бартольд, который оставил огромное

¹ Икд-ал-джуман. В. В. Бартольду — туркестанские друзья, ученики и почитатели, Ташкент, 1927, стр. 151—164.

² Доклад этот до сих пор не напечатан.

³ Книга выпущена Гос. Научно-техническим геолого-разведочным издательством в 1932 г.

количество исследований по истории до XVI в., напечатал лишь весьма небольшое количество работ, относящихся к жизни Средней Азии после XVI в. Он не раз читал прекрасные курсы по истории Бухарского, Хивинского и Кокандского ханств, однако эти курсы записаны и изданы не были.

Кроме работ В. В. Бартольда, из серьезных работ имелось несколько статей В. Л. Вяткина и А. А. Семенова. Вот, собственно говоря, и все, что было сделано по истории Средней Азии XVI—XIX вв. А между тем потребность в научных исследованиях этого периода истории Средней Азии была велика. Трудности исследовательской работы в этой области не ограничивались только отсутствием научной литературы; необходимо также принять во внимание и тот факт, что почти все источники на персидском и тюркских языках находятся только в рукописях, причем некоторые из них учеными почти не привлекались к исследованию. Это обстоятельство ставит исследователя одновременно в невыгодное и выгодное положение: невыгодное, — поскольку ему часто приходится проделывать ряд предварительных, подчас чисто филологических, стадий работы; выгодное, — поскольку большую часть вопросов приходится ставить и разрешать впервые.

Свою первую работу в этой новой для него области П. П. Иванов начал с „Очерка истории каракалпаков.“¹ Писать на эту тему было нелегко, так как в источниках сведений о каракалпаках сохранилось немного, что объясняется, по всей вероятности, той небольшой политической и культурной ролью, которая выпала в истории им на долю. Взвзвись за внешне невыигрышную тему, П. П. Иванов справился с ней удачно.

Разобрав тщательно вопрос о тождестве каракалпаков и печенегов, он склоняется, вопреки многим авторитетам, к признанию несостоятельности всех попыток этого отождествления. Не менее тщательно П. П. Иванов рассматривает вопрос об отношении каракалпаков к ногаям в период XV—XVII вв., показав, что смешивать их нельзя и что между ними связь не столько этническая, сколько территориальная. П. П. Иванов, насколько позволяют первоисточники, прослеживает проделанный каракалпаками путь, останавливается на всех этапах этого пути, особенно на пребывании каракалпаков в XVI—XVIII вв. в нижнем течении Сыр-дарьи, и последнем их местожительстве в низовьях Аму-дарьи, куда они в массе переселились еще в XVIII в. Уже в этой работе П. П. Иванов проявил интерес к источникам документального характера (имею в виду, прежде всего, жалованную грамоту мазару Зия ад-дина в Сыгнаке, выданную Абдула-ханом в 1598 г.)² В „Очерке истории каракалпаков“ П. П. Иванов высказал вкратце те свои взгляды на характер полукочевых, полуседячих народов Средней Азии в позднее средневековье и даже новое время, которые он впоследствии подробно развил в других работах. В рассматриваемом „Очерке“ он выдвинул понятие — „феодално-родовой“.³ „Знакомство с родовой организацией каракалпаков, — пишет П. П. Иванов, — на данной степени их развития⁴ важно в том отношении, что оно облегчает понимание особенностей существовавшей здесь классовой эксплуатации и классовой борьбы, нередко маскировавшихся в форму родовых отношений... На родовой же основе вырастает и развивается фигура главного представителя класса эксплуататоров — бия. Было бы совершенно неправильно, однако, рассматривать бия в качестве представителя родовой организации, пользующегося своими правами по избранию членов своего рода. Возникновение этого института у большинства тюркских народов, в том числе и каракалпаков, относится еще к средним векам и знаменует собою окончательное разложение родовой организации...“⁵

Эти, сложившиеся на основе анализа большого фактического материала, взгляды дали возможность П. П. Иванову правильно понять и правильно описать многие факты социально-политической истории каракалпаков.

„Очерк истории каракалпаков“ был очень хорошо встречен советскими историками как востоковедами, так и специалистами по русской истории. Вскоре в Турции появился перевод этой работы на турецкий язык.

К каракалпакской тематике П. П. Иванов возвращался впоследствии не раз.

В 1937 г. П. П. Иванов на исторической сессии Академии Наук СССР в Москве прочел интересный доклад на тему „Новые данные о каракалпаках“, помещенный в „Советское востоковедение“, III, стр. 59—79.

Через некоторое время П. П. опять вернулся к этому вопросу. Последняя работа его о каракалпаках носит характер обобщающего очерка, написанного специально для сборника „Народы СССР“ и помещенного в т. IV „Советской этнографии“⁶ 1940 г. под

¹ Зап. Института востоковедения, VII. Материалы по истории каракалпаков; Очерк истории каракалпаков, 1935, стр. 9—89.

² Ук. соч., стр. 33—35.

³ Ук. соч., стр. 54.

⁴ Имеются в виду каракалпаки XVIII—XIX вв. как сыр-дарьинского, так и аму-дарьинского периода их истории.

⁵ Ук. соч., стр. 52—53.

⁶ Ук. соч., стр. 23—54.

заглавием „Каракалпаки“. В этом очерке П. П. Иванов затронул в плане более или менее подробной справки (в статье два печатных листа) все стороны жизни современных каракалпаков, в том числе и их историю. Своими работами о каракалпаках П. П. Иванов создал себе имя лучшего знатока их истории и этнографии.

Немалое значение в дальнейшем развитии научного творчества П. П. Иванова имела работа над двумя статьями: „Из области среднеазиатской хозяйственной терминологии“¹ и „Удельные земли Сейид-Мухаммеда хана Хивинского (1856—1865)“.²

Обе эти статьи носят как бы программный характер. Во второй из них П. П. Иванов определенно указывает, что главное внимание исследователя в наши дни должно быть направлено на изучение истории среднеазиатских ханств в XVI—XIX вв., что пора переходить от общих обзоров, затрагивающих преимущественно политическую историю края и лишь попутно касающихся основных моментов его социально-экономического прошлого,³ к вопросам конкретным, связанным с этими моментами.

Сам П. П. Иванов поставил себе задачей — заняться вопросами аграрной истории Средней Азии XVI—XIX вв., правильно считая, что без них невозможно написать ни одной главы по истории этой эпохи. Натолкнувшись на полную неясность в толковании многих терминов социально-экономического характера, встречающихся в нарративных и документальных первоисточниках, П. П. Иванов принялся за их изучение. Именно в этом плане и был им написан этюд „Из области среднеазиатской хозяйственной терминологии“. П. П. Иванов прекрасно понимал, что для правильного толкования терминологии нужно особенно тщательное изучение конкретной среды, в которой применяются термины, так как они в зависимости от времени и места меняют (иногда очень резко) свое значение. В статье П. П. Иванов останавливается, прежде всего, на терминах „сафид бэри“ и „сабзе бэри“, встречающихся в источниках в разных иранотюркских вариантах. Показав, что под ними нужно понимать в первом случае ранние (в смысле вызревания), а во втором — поздние сельские культуры Средней Азии, он попутно старается высветить или уточнить несколько, уже бывших предметом разбора, но все еще неясных социальных терминов, как „чайрикер“, „каранда“, „галле-и-салясат“, „ярымчи“ и другие, памятуя, что только анализ этой терминологии, извлеченной параллельно из нарративных источников и материалов документального характера, поможет разобраться в вопросе: что собой представляет непосредственный производитель сельского хозяйства в Средней Азии в после-тимуридское время, в XVI—XIX вв.

Второй этюд — „Удельные земли“ Сейид-Мухаммед хана Хивинского (1856—1865) — представляет собой весьма ценную как по фактическому материалу, так и по мыслям, в ней высказанным, работу. В первой ее части П. П. Иванов отчетливо показывает, какие социально-экономические формы принимал переход кочевников-узбеков в районах Хивинского ханства XVII—XIX вв. на оседлый быт, на освоение земледельческих культур. Здесь П. П. Иванов более подробно изложил те мысли, которые он уже высказывал в „Очерке истории каракалпаков“. По его словам „господствующий среди узбеков феодально-племенной строй оказал решающее влияние и на землевладение, вылившееся в форму общинно-родового владения землей и водой, когда собственником и распорядителем средств производства являлось не отдельное лицо или территориальная община, а род в целом. Однако при наличии резкой социальной дифференциации внутри рода, когда фактическая власть в нем принадлежала небольшой группе феодально-родовой знати (султаны, беки, бии и т. п.), право фактического распоряжения землей не могло принадлежать массе непосредственных производителей, а сосредоточивалось в руках правящего меньшинства“.⁴

Руководясь именно этим взглядом, П. П. Иванов и дал на основе фактов, извлеченных, главным образом, из придворной хивинской хроники Муниса и Агехи, схему процесса оседания кочевников-узбеков в Хивинском ханстве. Процесс этот завершился в их среде „довольно поздно, повидимому не ранее первой половины XIX века“.⁵ Вместе с процессом оседания медленно и постепенно протекал, по его словам, „процесс дальнейшего разложения рода и общинно-родовой собственности, вследствие чего обширные пространства орошаемой земли, находившиеся ранее в родовом владении, переходят теперь на положение или индивидуальной собственности или поступают в собственность государства, выступающего теперь в качестве верховного распределителя всеми землями“.⁶

Ниже мы увидим, какое огромное значение для правильного понимания конкретной закономерности исторического процесса Средней Азии в XVI—XIX вв. имели мысли П. П. Иванова о социально-экономических причинах оседания узбеков и других кочевников. Значительную часть разбираемой работы П. П. Иванов посвящает истолкованию

¹ Изв. АН СССР по Отд. Общ. наук, № 8, 1935.

² Зап. Института востоковедения, VI, 1937.

³ Ук. соч., стр. 27.

⁴ „Удельные земли“ Сейид-Мухаммед хана Хивинского“, ЗИВ, VI, стр. 32.

⁵ Ук. соч., стр. 34.

⁶ Ук. соч., стр. 36.

терминов „хаули“ („двор“), „мазра“ („возделанные земли“), „каср“ („дворец“) и „баг“ („сад“). Убедительным анализом он показывает, что все они в конкретной обстановке изучаемого времени и места обозначали то, что мы понимаем под словом „поместье“. Интересная статья заканчивается анализом издольных аренд и выяснением роли рабского труда на этих землях.

В 1938 г. Институт востоковедения АН СССР в Институт истории при ЦИК Туркменской ССР выпустили в издании Академии Наук СССР „Материалы по истории туркмен и Туркмении“, т. II, XVI—XIX вв. (иранские, бухарские и хивинские источники), под редакцией акад. В. В. Струве, А. К. Боровкова, А. А. Ромаскевича и П. П. Иванова (58. 62 уч.-авт. листов). Стоит только внимательно рассмотреть эту книгу (ею в настоящее время широко пользуются историки СССР), чтобы увидеть, какую огромную роль сыграл П. П. Иванов в ее написании и редактировании.

В течение нескольких лет он систематически работал над II томом „Материалов“. Многие из нас, активно участвовавшие тогда в научной жизни ИВ АН СССР, хорошо помнят в Среднеазиатском кабинете небольшой, в левом углу от входа, столик, за которым долгие часы просиживал П. П. Иванов над переводами текстов и комментариями к ним. Много физических и душевных сил отдал он этому коллективному труду. Ему лично принадлежит перевод свыше 15 печатных листов текста источников. Так, им переведены с персидского языка „Извлечения из Надим-Нама“ Мухаммеда-Кавима о туркестанском походе Надир-шаха,¹ а с хивинско-узбекского языка — обширные извлечения: 1) из „Фирдоус-уль-Икбаль“ Муниса² и 2) из „Джами-уль-Вақыят-и-султани“ Агехи. Отрывки из этих двух придворных хроник охватывают ряд царствований хивинских ханов до 60-х годов XIX в.

Работа над указанными переводами имела огромное значение и для самого П. П. Иванова.

Чтобы извлечь из Муниса и Агехи все, относящееся к истории туркмен, нужно было внимательно ознакомиться с этой обширной придворной хроникой. Само же ознакомление со всем текстом ввело в научное сознание П. П. Иванова огромное количество неизвестных ранее фактов разнообразного содержания и значения. Факты эти и составили большой материал, который можно было использовать по ряду частных вопросов социально-экономической и политической жизни Хивинского ханства, а главное — обусловили возможность написать много примечаний и комментариев к текстам II тома „Материалов“. Кроме переводов, П. П. Ивановым написаны две вводных статьи: 1) „Хивинские хроники XIX в. Муниса и Агехи как источник по истории туркмен“ и 2) совместно с А. К. Боровковым — „Несколько общих замечаний об источниках по истории туркмен в XVI—XIX вв.“.

Нельзя пройти также и мимо того, что на П. П. Иванова легла основная тяжесть редакционной работы. Блужко стоявшие по Среднеазиатскому кабинету ИВ АН СССР товарищи знают, как много черного подготовительного труда потратил на II том „Материалов“ П. П. Иванов. Кропотливая, трудоемкая, во многом невидная на первый взгляд, работа вызывает большую благодарность у всех, кто сейчас пользуется этой книгой.

Входя все больше через изучение первоисточников в главные вопросы истории Средней Азии XVI—XIX вв., П. П. Иванов еще до выхода в свет II тома „Материалов по истории туркмен и Туркмении“ выпустил в 1937 г. работу (8,5 печ. листов) „Восстание китай-кипчаков в Бухарском ханстве в 1821—1825 гг. (источники и опыт их исследования)“.³

В предисловии П. П. Иванов особо подчеркивает, что незаученность гражданской истории Бухарского ханства в первой половине XIX в. заставляет его „наметить хотя бы в общих чертах тот социальный фон, на котором разворачивались интересующие нас события“.⁴ Именно этими соображениями и обусловлены две главы книги: 1) „К вопросу о характере социальных движений в Средней Азии в XVI—XIX вв.“ и 2) „Бухара при эмире Хайдере“. Вторая из этих глав весьма удалась автору. По существу — это первая характеристика Бухарского ханства при эмире Хайдере (1800—1826). В ней П. П. Иванов особенно остановился на темах: а) этнический состав населения Бухарского ханства; б) полукочевое, полуседлое хозяйство большинства узбекских племен, знаменующее переходное к оседлости состояние последних; в) разложение родовых отношений и связанное с ним усиление феодальных институтов; г) выделение крупного землевладения и резкое обеднение крестьянства. Ценность работы „Восстание китай-кипчаков“ не только в указанных вступительных главах, но и в углубленном анализе предпосылок восстания, а также в подробном изложении событий, которые до работы П. П. Иванова по существу совсем не были известны исторической науке.

Просматривая список трудов П. П. Иванова в хронологическом порядке, становится ясным, как одна тема исследования тянет за собой другую, тянет по внутренней закономерной связи.

¹ Материалы, II, стр. 150—176.

² Ук. соч., стр. 323—425.

³ Труды Института востоковедения, XXVIII, изд. Акад. Наук СССР, Л., 1937.

⁴ Там же, стр. 3.

Следующей по времени работой П. П. Иванова была статья „Казахи и Кокандское ханство“.¹ Здесь исследуется та же эпоха, что и в очерке о восстании китай-кипчаков, только другая территория и другое государство — Кокандское ханство, сыгравшее крупную роль в истории Средней Азии XIX в. Тема затрагивает историю взаимоотношений между Кокандским ханством, Ташкентом и казахами под углом зрения „кокандской территориальной экспансии в казахские степи и горные районы Киргизии“.²

С именем П. П. Иванова навсегда войдет в историографию Средней Азии не только разработка „Архива хивинских ханов“, но и его открытие. Об этом ценном архиве до П. П. Иванова было известно очень немного. Конфискованный во время Хивинского похода 1873 г. генералом Кауфманом, архив хивинских ханов был предметом весьма беглого рассмотрения ориенталиста А. Л. Куна, который поместил о нем заметку в газете „Туркестанские ведомости“ за 1873 г., № 50. В заметке этой А. Л. Кун не дает, однако, даже самой краткой характеристики его содержания. Газетная заметка А. Л. Куна оказалась единственным следом архива; никому не было известно, где он находится, да и сохранился ли он. В. В. Бартольд интересовался его судьбой, но не мог его найти. Занимаясь вопросами социально-политической истории Средней Азии XIX в. и особенно хивинского ханства, П. П. Иванов не мог не заинтересоваться судьбой упомянутого архива. Он был уверен, что в архиве могут найтись ценнейшие документальные материалы по вопросам, которыми он занимался, и, естественно, что он со своей стороны ему настойчивостью принялся за поиски архива.

Первые шаги не были удачными. В 1935 г. П. П. Иванов отправился в Ташкент в надежде, что найдет ценнейшие материалы хивинских ханов в Центральном архиве Узбекистана. Однако там он не нашел ни нужных ему бумаг, ни даже их следов.

Как известно, в 1936 г. П. П. Иванову удалось обнаружить архив в Ленинграде в рукописном отделе Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедринна.

Архив оказался ценнейшим собранием, состоявшим из 120 тетрадей (дефтеров), значительная часть которых имела хорошие переплеты. Трудно было переоценить научное значение найденного архива. Внимательное знакомство с содержанием тетрадей показало, что там находятся интересные документальные записи о налогах, придворных и административных должностях, об отдельных народностях и племенах, о распределении среди них земель, о количестве воды на оросительных системах и о ее распределении, о вакуфных землях и их арендаторах, о количестве поступаемого с них зерна и его распределении и других вопросах социально-экономической жизни Хивинского ханства. Найденный архив целиком захватил П. П. Иванова. Уже в октябре 1936 г. он выступил в Институте востоковедения АН СССР с большим докладом о научном значении сделанного им открытия. Доклад этот появился в печати в 1939 г. под заглавием „Архив хивинских ханов, новые источники для истории Средней Азии XIX века“.³ Нечего и говорить о впечатлении, которое оставил у слушателей доклад П. П. Иванова; оно было огромно. Специалисты с большим интересом ждали дальнейших сообщений о найденных материалах. П. П. Иванов напряженно работал эти годы над придворными хивинскими дефтерами, прекрасно понимая, что многие вопросы, которые ему приходилось решать, опираясь на скудные сведения хроник, будут освещены теперь достоверными фактами документального характера, имеющимися к тому же в большом количестве.

Работа над архивом была завершена в 1940 г. выпуском ценной монографии — книги под заглавием „Архив хивинских ханов XIX в. Исследование и описание документов с историческим введением“.⁴

В „Предисловии“ к труду П. П. Иванова И. Ю. Крачковский писал: „Содержание документов всецело оправдало надежды, которые возлагались на этот архив учеными, знавшими о его существовании“. Задача, стоявшая перед П. П. Ивановым, была сложна; осуществление ее в сравнительно короткий срок оказалось возможным только благодаря ряду предшествовавших работ автора, которые уже сосредоточивали его внимание на истории Хивы XVIII—XIX вв.“⁵

Указанный труд, если не лучшее, то одно из лучших научных произведений П. П. Иванова.

Книга представляет собой обработку наиболее ценного материала из дефтеров, материала, сгруппированного по специальным темам. Обработка материала потребовала у автора большого количества времени, тщательного и напряженного внимания. Книге предпослано интересное введение под заглавием „Архив и его значение для изучения социально-экономической истории Хивинского ханства“.⁶

¹ Казахи и Кокандское ханство (к истории их взаимоотношений в начале XIX в.), ЗИВ, VII, 1939, стр. 92—128.

² Ук. соч., стр. 95.

³ ЗИВ, VII, стр. 5—23.

⁴ Изд. Гос. Публ. библиотеки им. Салтыкова-Щедринна, Л., 1940.

⁵ Ук. соч., стр. 6.

⁶ Ук. соч., стр. 8—32.

Книга П. П. Иванова, как известно, была весьма сочувственно встречена специалистами историками-востоковедами. В научный оборот вводился не только новый источник документального порядка, но вводился в таком обработанном виде, что пользоваться им может не только специалист, но и всякий, кто имеет опыт в историческом исследовании, независимо от того, восточник он, или западник, или русский историк.

Работа над документальным материалом по вопросам социально-экономической истории Средней Азии все более увлекала П. П. Иванова. Ничем так, пожалуй, он не интересовался, как XVI веком, когда Средняя Азия была под властью династии Шейбанидов. Для П. П. Иванова приобретал особенно большой интерес так называемый архив шейхов Джуйбары XVI в. Это был большой сборник копий различных документов, по преимуществу сделок на покупку земли, лавок, мельниц, мастерских, совершенных шейхами Джуйбары в Бухаре, крупнейшими феодалами XVI в. в Средней Азии.¹

П. П. Иванову Институту востоковедения АН СССР было поручено написать введение к русскому переводу сборника. П. П. Иванов охотно принялся за предложенную работу, которую и делал одновременно с подготовкой печати „Архива хивинских ханов“.

Работу свою П. П. Иванов иногда приостанавливал, потом возобновлял, пересматривал, дополнял. Введение разрослось в целую книгу. П. П. Иванов, к сожалению, не торопился сдавать ее в печать. Так она и осталась в рукописи. Я принадлежал к тем немногим людям, кому П. П. Иванов давал ее для ознакомления. Ему хотелось поделиться своими достижениями и услышать товарищеские замечания. Озаглавлена эта работа „Земли джуйбарских шейхов XVI—XVII вв.“. К ней приложен вступительный этюд о земельной собственности у известного шейха второй половины XV в. — Ходжи Ахрара. В целом работа посвящена материальной базе бухарской духовной знати — земельному фонду шейхов Джуйбары, которые играли крупную роль в политической и культурной жизни XVI в. Написана работа на основе комбинированных сведений нарративных источников (главным образом, рукопись Матляб ул-Талибин) и документальных материалов из архива джуйбарских шейхов. Вопросы, связанные с исследованием форм землевладения, переплетаются здесь с выяснением положения различных групп земледельцев, а также с разъясняющими экскурсами в политическую историю шейбанидской Средней Азии. В личных беседах П. П. Иванов не раз подчеркивал, что эту свою работу он считает своим лучшим, во всяком случае наиболее любимым, детищем и именно ее хотел видеть представленной на соискание степени доктора исторических наук, которую он, кстати, вполне заслужил всеми предшествующими работами.

Работая напряженно и систематически над частными проблемами, П. П. Иванов никогда не терял перспективы исторического процесса Средней Азии в XVI—XIX вв. П. П. Иванову был несомненно присущ дар исторического построения. Он не терялся среди множества равных деталей, отдельных фактов, узких тем, всегда знал, „что к чему“, знал, какое место тот или иной элемент займет в воссоздаваемой им картине прошлого. П. П. Иванова давно занимала мысль написать историю Средней Азии XVI—XIX вв., однако торопливости в этом деле он не проявлял, так как прекрасно понимал, что сделать это можно, лишь накопив большой фактический материал. Более того, ему было ясно, что одного фактического материала, формально взятого, недостаточно. Необходимо было осмыслить отдельные факты в их конкретной связанности с другими, что только и дает возможность их исторически осмыслить.

Надписанием общего труда „Очерки по истории Средней Азии в XVI—XIX вв.“ П. П. Иванов работал систематически в течение 3—4 лет своей жизни. Всей предшествующей работой он, как никто, был подготовлен к выполнению этой задачи. Написать этот общий труд возможно было, лишь уяснив периодизацию истории Средней Азии под властью узбекских ханов XVI—XIX вв. Было бы исторической несправедливостью сказать, что здесь П. П. Иванов начал на пустом месте. Начало этому было положено также В. В. Бартольдом и отчасти В. Л. Вяткиным. Однако только в работе П. П. Иванова периодизация эта нашла свои четкие и бесспорные определения.

Позволю себе вкратце привести тезисы этой периодизации от падения династии тимуридов и до присоединения Средней Азии к России.

I. Шейбанидский период в истории Средней Азии (1500—1599 гг.). Он характеризуется, с одной стороны, значительной централизацией политической власти; с другой, зарождением крупного землевладения узбекской военно-феодалной знати, возникшего на основе бенефициального пожалования со стороны ханов, а потому и зависящего от последних.

II. Период феодального распада и упадка ханской власти, а также усиления крупного землевладения узбекских феодалов, рассматривающих себя не только помещиками-землеладельцами, но и почти суверенными правителями. Период этот тянется от начала XVII в. и до второй половины XVIII в.

III. Период политической консолидации, характеризуемый решительной ликвидацией мелких владений и „возникновением на их месте трех централизованных феодальных

¹ Сборник этот на персидском языке был издан под заглавием „Из архива шейхов Джуйбары. Материалы по земельным и торговым отношениям Средней Азии XVI в.“. Изд. АН СССР, 1938.

деспотий — ханств Бухарского, Хивинского и Кокандского, вступивших в начале XIX в. в борьбу между собою за политическую гегемонию в Средней Азии“.

П. П. Иванов не ограничился вопросами периодизации; в введении к „Очеркам“, он предпослал также свои взгляды на „особенности исторической жизни Средней Азии в период после XV века“. Отмечая провинциальный, замкнутый и стойкий характер исторического процесса Средней Азии XVI—XIX вв., П. П. Иванов причины этого видит в следующих фактах и условиях. Открытие морского пути в Индию ликвидировало постепенно великий караванный путь через Среднюю Азию, чем и „лишило последнюю возможности участвовать в международном обмене“. Возникновение Сефевидского государства в Иране, сделавшего шиизм государственной религией, прекратило нормальные связи ханифитской Средней Азии с Ираном, которые до того непрерывно продолжались в течение почти 900 лет.

Наконец, „размещение к началу XVI в. казахов на обширном пространстве от бассейна р. Урала до предгорий Тянь-шаня“ и длительная борьба казахских и узбекских ханов „на долгое время нарушили торговые связи между Средней Азией и Китаем“. Все это настолько изолировало Среднюю Азию от окружающего культурного мира, что она была предоставлена своим собственным силам, к тому же в ту эпоху своего исторического бытия, когда она переживала переход на феодальный строй новой массы кочевников-узбеков. „Очерки по истории Средней Азии XVI—XIX вв. представляют собою солидный труд, около 20 печ. листов. Учитывая насущную потребность в братских среднеазиатских республиках иметь доступную широкому кругам читателей книгу, П. П. Иванов придал ей научно-популярный характер, что ни в какой мере не снижает ни ее научности, ни, тем более, оригинальности. Она вся основана на первоисточниках, на фактах, глубоко продуманных автором. Можно только пожелать, чтобы ценная книга эта скорее увидела свет.

Выше мы видели, как много сделал П. П. Иванов в историографии Средней Азии! Однако не надо забывать, что по-настоящему П. П. Иванов работал только 8 лет. Ведь первая значительная историческая работа его — „Очерк истории каракалпаков“ вышла в 1935 г. П. П. Иванов обладал исключительной работоспособностью и дисциплиной в научных занятиях. За исключением немногих часов лекций в Университете, П. П. Иванов все свое время отдавал научно-исследовательской работе, любимым занятиям — истории Средней Азии.

Большую часть времени в Институте востоковедения АН СССР и дома он просиживал за рабочим столом. Казалось, он хочет вернуть утерянное в прежние годы драгоценное время.

П. П. Иванов был строгим к себе ученым, лишенным какого бы то ни было самодовольства. К своим работам он подходил критически и всегда искал в них недочетов, которые следовало бы исправить.

Эта самокритика — всегда, впрочем, преувеличенная, — была однако полезной, так как заставляла его совершенствовать все стороны своей работы. Самолюбие, свойственное каждому человеку, в том числе и ученому, сочетается у него с большой скромностью. Позволю себе привести только один пример.

Мне и моим коллегам не раз приходилось говорить П. П. Иванову, что его прекрасная работа „Архив хивинских ханов“ может быть представлена к защите на соискание степени доктора. В течение нескольких лет П. П. Иванов противился этому предложению, считая, что более достойной работой явятся „Земли джуйбарских шейхов“, и хотя последняя, по существу, тоже была закончена, он все откладывал, так как, по его мнению, в ней надо было кое-что переделать. Только в тяжелую зиму 1941—1942 гг. П. П. Иванов согласился представить на соискание степени доктора „Архив хивинских ханов“. За эту работу он получил заслуженную им степень доктора исторических наук.

П. П. Иванов не был индивидуалистом и вне коллектива работы себе не представлял. Институт востоковедения АН СССР он очень любил, ежедневно посещал Среднеазиатский кабинет, где за небольшим столом у шкафа с книгами и рукописями просиживал долгие часы. Очень любил научное общение, к работе товарищей относился с большим интересом, на докладах был всегда исключительно внимателен, в критике не терял доброго отношения и благожелательного тона и охотно помогал советом и научным мнением.

П. П. Иванова всегда тянуло к молодежи и университетскому преподаванию, которое ему очень удавалось. Студенты охотно у него учились, чувствовали в нем большой научный авторитет и платили ему любовью и признательностью.

П. П. Иванова нет среди нас, а мы до сих пор видим его спокойную, ровную походку, чуть насушившиеся лицо и теплые, сочувственно смеющиеся глаза.

Фашистская блокада вырвала из нашей среды дорогого товарища и ученого, который смог в короткий срок так много сделать, который был в зените своего творчества и мог еще так много дать на славу дорогой ему и всем нам советской науке.